

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Ю. П. АВЕРКИЕВА

ЭТНОФРЕЙДИЗМ В США

Мы живем в эпоху, когда «битва идей» между социализмом и капитализмом становится важнейшим фактором борьбы за прогресс и мир.

Идеи коммунизма, несмотря на все преграды, воздвигаемые реакцией на пути их победного шествия, доходят до сознания сотен миллионов людей. Они становятся реальной силой, определяющей ход развития современного общества. Это вызывает тревогу империалистов, вынужденных признать огромное влияние учения марксизма-ленинизма на угнетаемые и эксплуатируемые ими народы и мобилизующих, как указывается в Программе КПСС, «все средства идеологического воздействия на массы, чтобы «опорочить коммунизм и его благородные идеи, защитить капитализм»¹. Антикоммунизм стал лозунгом дня в стане империализма. Не случайно организация борьбы с влиянием идей коммунизма на народные массы была объявлена главной целью съезда Национальной ассоциации промышленников США в 1961 г.

США как главный оплот современной реакции и неоколониализма являются центром активной разработки и пропаганды идеологии современного империализма. В его наступлении на коммунизм ученые-теоретики, публицисты этой страны играют сейчас первенствующую роль. Однако, пытаясь защищать свою концепцию общества, идеологи империализма вынуждены признать свою несостоятельность. «Вся беда в том, что у нас нет своего Маркса», — пишет американский профессор социологии К. Росистер². Собственное бесплодие заставляет их возрождать реакционные теории, давно отвергнутые наукой и всем ходом общественного развития.

Особенную популярность в современном буржуазном обществоведении приобрело так называемое «психологическое направление», adeпты которого пытаются свести к психологии отдельных индивидов центральные, узловые процессы и явления общественной жизни. Фальсифицируя сущность этих процессов и явлений, они используют «психологические» теории конца XIX — начала XX в., главным образом фрейдизм, неофрейдизм и бихейвиоризм.

США стали центром неофрейдизма. Представители этого направления пытаются рекламировать психоанализ как всеобъемлющую систему, подменяющую общественные науки. В психоанализе они находят решение таких сложнейших социальных проблем, как происхождение и развитие общества, морали, религии, глубочайшие противоречия современного капиталистического общества.

¹ «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 358.

² См. Е. Литовко и Б. Стрельников, «Золотая шестерня» не выдерживает, «Правда», 29 декабря 1961 г.

В годы второй мировой войны неопрейдизм оформился в этнопсихологическую школу «исследований культуры личности» (culture and personality studies). В теоретическом плане эта школа представляет собой эклектический синтез прагматизма и идей отдельных неопрейдистских школок с антиисторическими концепциями буржуазной этнографии. Эклектизм теоретических посылок этой школы признают и его современные адепты. Например, Дж. Хонигман в своего рода руководстве по «исследованиям культуры и личности» пишет, что исследования эти представляют собой «интеграцию» идей психологов, психиатров, социологов и этнографов³. Благоприятную почву этнопрейдизму подготовили «историческая» и «функциональная» школы в этнографии.

Идеи фрейдизма получили развитие в работах Э. Сепира 1920-х и особенно 1930-х годов⁴. В них главным объектом этнографического изучения объявляется индивидуум, психология, привычки и настроения которого якобы определяют состояние общества. «Конфигурация» той или иной культуры, по мнению Сепира, зависит от заложенной в ней специфической формы «либида».

«Учение» Сепира было подхвачено Р. Бенедикт. Последняя приходит к выводу, что в каждой культуре доминирует определенная психологическая «потенция» («эмоция», «импульс», «лейтмотив»), определяющая образ жизни людей в данном обществе⁵. Отсюда релятивистский тезис Р. Бенедикт о несравнимости культур, их абсолютности, психорасистская сущность которого очевидна. Она заявляет: то, что считается ненормальным для психики янки, для психики других народов является нормой и лежит в основе их социальной структуры⁶. Например, в основе общественной жизни добуанцев, утверждает Бенедикт, лежит импульс враждебности и связанное с ним чувство страха (боязнь колдовства, боязнь магии, боязнь быть отравленным и т. д.). Этот страх обусловил якобы исключительный индивидуализм добуанцев; у них «...никто не работает вместе, ничем не делится с другими». Общественная жизнь индейцев квакиютлей изображается Р. Бенедикт как проявление мегаломании и паранойи, которые являются якобы специфическими чертами их психологического склада. Эта расистская клевета на народы вызвала резкую критику многих этнографов. Утверждение Бенедикт: «нормально то, что оправдано в данном обществе»⁷, ведет, по существу, к оправданию фашизма, рабства, геноцида. Это утверждение лежит в основе теории культурного релятивизма, получившей развитие в работах Херсковица.

Р. Бенедикт не оригинальна в своих «научных» выводах. Советскими учеными уже отмечалось ее идейное родство с Ницше и Шпенглером⁸. Она и сама признает близость своих взглядов к учениям этих «теоретиков» расизма, а также философа-позитивиста Дилтея⁹.

Фрейдистские идеи нашли отражение также в работах М. Мид, М. Оплера, Р. Линтона, К. Клюкхона, Д. Гиллина, Г. Бейтсона, К. Дюбуа, В. Гольдшмидта, У. Кодилла, Д. Хонигмана, И. Халлоуэлла

³ J. Honigmann, Culture and personality, New York, 1954, стр. IX.

⁴ E. Sapir, Culture genuine and spurious, 1924 (сб. D. Mandelbaum ed. «Selected writings of E. Sapir in language, culture and personality», Berkeley, 1942); его же, Anthropology and Sociology, 1927 (там же); его же, Why anthropology needs psychiatry (там же). Анализ эволюции взглядов Сепира в направлении фрейдизма дан в статье: D. F. Aberle, The influence of linguistics on early culture and personality theory, Сб. «Essays in the Science of culture in honor L. White», New York, 1960.

⁵ R. Benedict, Patterns of Culture, Boston and New York, 1934.

⁶ R. Benedict, Anthropology and abnormal, «Journal of general Psychology», т. X, № 2, 1934, переп. в кн.: M. Mead, An Anthropologist at work, Boston, 1959.

⁷ M. Mead, Указ. раб., стр. 369.

⁸ С. П. Толстов, Кризис буржуазной этнографии, Сб. «Англо-американская этнография на службе империализма», Труды Ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая, нов. серия, т. XIII, М., 1951; Н. А. Бутинов, Психорасизм в американской этнографии, там же.

⁹ R. Benedict, Предисловие к работе «Patterns of Culture».

и других этнографов. Приход в этнографию психиатров-неофрейдистов: А. Кардинера, К. Хорнея, Ж. Рохейма, Дж. Массерманна, Э. Фромма, Д. Леви и других значительно способствовал проникновению неофрейдизма в эту науку.

Материалистическому учению об обществе неофрейдисты противопоставили психо-биологический детерминизм. Все социальные и экономические проблемы трактуются ими как психо-биологические явления, как проявления психологии личности, причем личности неполноценной. Из всей совокупности сложнейших психических явлений они абсолютизируют простейшие, элементарные склонности, чувства, представления. Человек в их штудиях рассматривается как существо биологическое, поведение и чувства которого определяются некими врожденными импульсами и подсознательными мотивами. В них, этих импульсах и мотивах, неофрейдисты усматривают движущую силу общественного развития.

В трактовке вопроса о взаимоотношениях общества и личности среди этнопсихологов имеются некоторые, правда несущественные, расхождения. Р. Бенедикт, например, отводила индивиду пассивную роль, рассматривая его как сумму «потенций», из которых культура выбирала лишь одну, определявшую затем ее конфигурацию. Эту идею развивает ученик Бенедикт — В. Гольдшмидт. Изображая агрессивность, эгоизм, склонность к конкуренции, к коллективизму, трудолюбие и пассивность как наиболее общие биологически наследуемые потенции человека, Гольдшмидт пишет, что каждая культура делает упор на одной из них. Например: «Если человеку присущи такие потенции, как конкурирование и сотрудничество, то одна культура сосредоточивается на одной из этих потенций, другая — на другой»¹⁰. Причем культура понимается ими как некая изначально существующая живая сущность, которая произвольно «делает выбор», «делает упор», «сосредоточивается» на той или иной из потенциальных возможностей или склонностей индивидов. В то же время конфигурацию культуры определяет одна из потенций индивида. Получается заколдованный круг: культура «выбирает» потенцию, последняя, в свою очередь, определяет конфигурацию культуры.

М. Оплер, возражая Бенедикт, заявляет, что культура интегрируется на основе не одного, а нескольких психологических принципов, называемых «темами»; интеграцию он понимает как балансирование и взаимодействие различных тем, а не подчинение всех имеющихся в данной культуре принципов одному общему¹¹.

В отличие от Бенедикт, Оплера и Гольдшмидта, А. Кардинер, говоря о взаимоотношениях культурной среды и человеческого организма, отводит последнему активную роль¹². Его индивид, активно взаимодействуя с «культурной средой», ищет в ней удовлетворения своих инстинктов и влечений.

Центральным понятием в системе взглядов Кардинера и его основным «вкладом» в этнофрейдизм является «структура типичной (или «модальной») личности», прообраз которой легко прослеживается в идее «сверх-я» Фрейда. Генезис типичной личности, по Кардинеру, как и по Фрейду, определяется опытом самых ранних лет, когда якобы происходит сублимация врожденных влечений и импульсов ребенка, особенно тех, что связаны с сексом, голодом, различными функциями организма. Решающее значение в формировании типичной личности Кардинер приписывает так называемым «опытам раннего детства» — продолжитель-

¹⁰ W. Goldschmidt, Culture and human behavior, в сб.: «Culture in History». New York, 1960, стр. 100.

¹¹ M. Opler, Some recently developed concepts relating to culture, «Southwestern Journal of Anthropology», т. 4, N 2, 1948, стр. 121.

¹² A. Kardiner, The Individual and his society, New York, 1939; его же, The psychological frontiers of Society, New York, 1945.

ности, регулярности или нерегулярности кормления ребенка молоком матери¹³, пеленанию, приучению к горшку, способам купания и т. п. Все это, по Кардинеру, «первичные институты» данной культуры, создающие основу для возникновения «вторичных институтов», т. е. условий, в которых живет взрослый индивид. Первичные институты неодинаковы в различных культурах, они формируют и специфические для каждой культуры типы личности.

Все эти «научные» посылки формирования личности, остроумно названные противниками этнофрейдизма «сосочно-пеленочным комплексом», сводятся в основном к следующему: типичная личность в данном обществе формируется в первые 2—4 года жизни ребенка под воздействием «первичных институтов» данной культуры; во всех этих «первичных институтах», или в «детских опытах», проявляется эмоциональная связь между родителями и ребенком, и прежде всего между матерью и ребенком, в процессе которой развиваются или подавляются врожденные влечения ребенка. Таким образом биологическое фатально обуславливает психическое в человеке. Этот «сосочно-пеленочный комплекс» и положен в основу большинства «исследований культуры и личности»¹⁴.

* * *

Свой «психокультурный» подход этнофрейдисты обосновывали на материалах о современных отсталых народах и племенах. Особенно много фрейдистской клеветы было написано об индейцах Америки. В 1940-х годах этнопсихологами США было предпринято широкое изучение «опытов детства» у многих индейских племен. Обследование проводилось с помощью различного рода психологических тестов, записи биографий, снов, которые затем интерпретировались по методу Фрейда. Центральное место в этих исследованиях отводилось «эмоциональной» связи между матерью и ребенком в лактационный период. Как проявления этой связи изучались также способы купания детей, распространенность сосания пальца и детского онанизма в различных обществах. Все это, по мнению «исследователей», оказывает решающее влияние на формирование личности¹⁵. Например, М. Мид изучала методы купания детей на острове Бали, в Латемуре и в предместьях Голливуда с тем, чтобы объяснить «системы личности в различных частях света»¹⁶. В этом же плане Дж. Деверо занимался изучением «психологических аспектов» абортов и участи незаконнорожденных детей в условиях различных культур¹⁷. Из этих работ очевидно, что скрытой основой первичных институтов является, по существу, на словах отвергаемый Эдипов комплекс.

Подобная тематика «конкретных полевых исследований»¹⁸ этнографов-неофрейдистов, которую они противопоставляли краеведению старой «исторической школы», свидетельствует о крайней деградации буржуазной науки, отказе от подлинно научного этнографического исследования. Недаром честные американские ученые, назвав период господства пси-

¹³ В связи с этим ученики Кардинера издают такие «исследования», как, например: F. Goldman-Eisler, Breast feeding and character formation, в сб. C. Kluckhohn and H. A. Murray (eds), «Personality in Nature, Society and Culture», New York, 1953.

¹⁴ См., например, сборник статей под редакцией M. Mead and M. Wolfenstein «Childhood in contemporary cultures», Chicago, 1955.

¹⁵ A. Davis and R. Y. Havinghurst, Social class and color differences in child rearing, в сб.: C. Kluckhohn and H. A. Murray «Personality in Nature, Society and Culture».

¹⁶ M. Mead, Cultural differences in bathing of babies, в кн.: K. Soddy (ed.) «Mental health and infant development», New York, 1947.

¹⁷ G. Devereux, A study of abortion in primitive Societies, New York, 1955.

¹⁸ В 1956—1957 гг. были опубликованы два тома «первичных материалов» (B. Kaplan, Microcard publications of primary records in Culture and Personality, Wisconsin, 1956—1957), содержащие, как сообщает Хонигман, собранные в различных частях света протоколы тестов Роршаха и Тата, автобиографические материалы, записи снов и детские школьные сочинения. J. Honigmann, Psycho-cultural studies, в сб. «Biennial review of anthropology», New York, 1959.

хологического направления «мрачным веком в этнографии США»¹⁹, вспоминали «доброе старое время», когда этнографы занимались своим настоящим делом.

В работах этнофрейдистов доказывается стойкость психической природы человека. По их мнению, исторические изменения условий жизни общества почти не затрагивают типичную структуру личности. Кардинер, например, утверждал, что психический склад европейских народов не изменялся на протяжении последних двух тысяч лет²⁰. Чаще всего стойкость структуры личности «доказывалась» на примере индейцев, которым этнопсихологи приписывают такие неизменные черты психики, как великодушие, храбрость, уважение к человеческой независимости, терпение и т. д., и одновременно враждебность, агрессивность, подозрительность, сознание своего бессилия и склонность к подчинению. Задача этнопсихологов, по их мнению, — изучить, как эти общие черты личности индейцев проявляются в условиях различных культур.

В качестве наиболее типичного примера стойкости «природных» черт характера остальных охотничьих племен приводят обычно оджибвеев. Идея стойкости психического склада оджибвеев, а также других охотничьих племен северо-востока Северной Америки была впервые высказана И. Халлуэллом²¹, а затем подхвачена целой плеядой его учеников и последователей: Дж. Купером, Р. Ландес, Э. Фридл, В. Барновым, У. Кодиллом, С. Паркером и др.²² Все они пытаются доказать, что оджибвеев извечно присущ так называемый «атомизм», сущность которого сводилась к якобы извечно существующей частной собственности на охотничьи угодья, индивидуальной охоте, жизни моногамными семьями. Условия этого атомизма и определили типичную личность оджибвеев, которой свойственны такие «стойкие» черты характера, как индивидуализм, склонность к конкуренции, агрессивность, органическая потребность подчиняться, чувство необеспеченности, нерешительность, пассивность, подавление эмоциональности — черты, якобы сохраняющиеся у всех индейских племен до наших дней. С помощью этих посылок пытаются доказать, что «модальная личность» индейцев осталась неизменной несмотря на два столетия аккультурации. Под благозвучным же термином «аккультурация» скрывается, как известно, капиталистическая колонизация североамериканского материка, почти трехсотлетний период коренной ломки традиционного образа жизни индейцев: экспроприация их земель и лишение индейцев основных средств существования; переселение их в резервации, дискриминация и низведение некогда гордых охотников и воинов на положение пауперов, «подопечных» государства, участью которых стали голод и изоляция в этих своеобразных индейских гетто. И в таких условиях психика индейцев якобы не менялась, а имело место лишь «приспособление» наиболее устойчивых черт ее к новым условиям! Так, место сверхъестественной силы в сознании индейцев заняло якобы пратительство США. Его-де индейцы и стали почитать как своего опекуна и покровителя. Таким образом, индейцы подчиняются правительству отнюдь не потому, что они бессильны и подавлены чудовищной капиталистической колонизацией, а из органически присущей им потребности подчиняться, из устойчивой «психической ориентации».

¹⁹ См. L. White, рец. на книгу «Configurations of Culture growth», «American Anthropologist», т. 48, No 1, 1946; B. Meggers, Recent trends in American Anthropology, «American Anthropologist», т. 48, No 2, 1946.

²⁰ A. Kardiner, The psychological frontiers of Society, стр. 432.

²¹ I. Hallowell, Some psychological characteristics of Northeastern Indians (1946), перепечатано в сб. его статей «Culture and Experience», New York, 1955.

²² E. Friedle, Persistence in Chippewa culture and personality, «American Anthropologist», т. 58, No 4, 1956, стр. 814—825; V. Barnow, Acculturation and personality among the Wisconsin Chippewa, «American Anthropological Association Memoirs», т. 72, 1950.

Этнофрейдисты не хотят признать, что все эти пресловутые стойкие черты — подозрительность, сознание своей беспомощности, бесперспективности, зависимости от правительства — могли возникнуть, как справедливо отмечают американские этнографы Б. Джеймс и Г. Хикерсон²³, лишь как «осознание бытия» в условиях жизни в резервациях. Этнопсихологи доказывают, что все эти качества, якобы обусловленные изначальным «атомизмом», — индивидуализм, склонность к конкуренции, эгоизм, т. е. качества, характерные для личности буржуазного общества, — свойственны не только индейцам, но и всем охотничьим племенам мира и вообще природе человека. Классовая сущность подобных утверждений очевидна.

В ряде работ делаются попытки обосновать положение Фрейда, будто между первобытным человеком и невротиком нет разницы, доказать, что в основе «структуры типичной личности» различных народов лежат специфические, присущие каждому народу патологические черты психики. Р. Бенедикт первая объявила отсталые народы мира психически ненормальными²⁴. Она и ее коллеги на этнографическом материале пытаются обосновать положение Фрейда о том, что разница между здоровыми и душевно больными людьми только количественная. Эту идею развивают ряд авторов²⁵. Так, в одной из новых работ ученика А. Кардинера С. Паркера²⁶ дается откровенно фрейдистское объяснение сексуальным травмам детства, психологического недуга, называемого по-алгонкински «виитико», якобы широко распространенного среди оджибвеев.

Патологичность психики отсталых народов доказывалась и на материале о народах других частей света — Океании, Австралии, Африки²⁷.

Ставя проблему формирования личности, этнофрейдисты игнорируют историческую обусловленность и социальную сущность личности и характера ее взаимосвязи с обществом. Между тем, как показывает история человеческого общества, вместе с изменением общественного строя изменяется характер личности, и характер ее взаимоотношений с обществом. Вся история первобытного общества есть история формирования человека и его сознания в коллективном труде, когда человек не оторвался еще от «пуповины» своей общественной группы: рода, племени, не отделял и не противопоставлял себя коллективу ни в труде, ни в сознании. Лишь на последнем этапе распада родового строя, с появлением частной собственности, возникает стремление отдельных индивидов противопоставить себя как собственников определенных богатств коллективу. Эта тенденция к обособлению личности от коллектива хорошо прослеживается, например, в произносимых на потлачах речах вождей

²³ B. James, Some critical observations concerning analysis of Chippewa «atomism» and Chippewa personality, «American Anthropologist», т. 56, № 2, ч. 1, 1954; егo же, Socio-Psychological dimensions of Ojibwa acculturation, «American Anthropologist», т. 63, № 4, 1961; H. Hickerson, The feast of dead among the seventeenth century Algonkians of the Upper, Great Lakes, «American Anthropologist», т. 62, № 1, 1960.

²⁴ R. Benedict, Anthropology and abnormal...

²⁵ J. Cooper, The Gree witiko psychosis, «Primitive Man», 1, № 6, 1933; R. Landes, The abnormal among the Ojibwa Indians, «Journal of abnormal and social psychology», № 33, 1949; W. S. Caudill, Psychological characteristics of acculturated Wisconsin Ojibwa children, «American Anthropologist», т. 51, № 3, 1949; G. Devereux, Mohave ethnopsychiatry and suicide, «Bulletin № 175, Bureau of American Ethnology», Washington, 1960; I. Halliwell, Culture and mental disorder, «Journal of abnormal and social psychology», № 29, 1954; егo же, Psychic stresses and culture patterns, «American Journal of psychiatry», № 92, 1936; M. Opler, An interpretation of ambivalence of two American Indian tribes, «American Journal of Social psychology», № 7, 1936.

²⁶ S. Parker, The Witiko Psychosis in the context of Ojibwa personality and culture, «American Anthropologist», т. 62, № 4, 1960.

²⁷ См., например, M. Mead, Coming of age in Samoa, New York, 1928; егo же, Male and female, New York, 1949.

у племен Северо-Западного побережья Северной Америки, в самовосхвалении которых Р. Бенедикт видела проявление мегаломании.

* * *

Этнопсихологи по-своему откликаются на мощный подъем национально-освободительного движения народов Азии, Африки, Латинской Америки. Они рядятся в тогу защитников равноправия народов, выдают себя за ярых антирасистов, прикидываются сочувствующими справедливым требованиям народов, рвущих цепи колониального рабства, и в то же время с помощью неопределенных домыслов пытаются «научно» опорочить эти народы, приписывая им психическую неполноценность, «агрессивность», «комплекс приниженности», стремление к подчинению, шизофрению и т. п. как основу их культуры.

Расистская сущность составляемых этнофрейдистами «психологических профилей» отмечалась в выступлениях ученых Индии, Японии на ньюйоркском съезде этнографов в 1952 г. Английский ученый Р. Пиддингтон в 1957 г. писал в одной из своих работ, что Р. Бенедикт, например, начав с выступлений против расизма, сама впоследствии пришла к расизму²⁸.

Этнофрейдисты, приписывая народам мира психическую неполноценность, вносят свой «вклад» в идеологию неокOLONиализма. Недаром гнусная клевета американских психорасистов на народы так широко используется империалистической пропагандой.

Этнофрейдисты поднимают так называемую проблему «аккультурации» отсталых народов. По существу это та же проблема «встречи Востока и Запада», о которой писали английский историк А. Тойнби и американский социолог Ф. С. Нортроп²⁹. «Аккультурация» трактуется ими как прежде всего психическое восприятие отсталыми народами достижений западной цивилизации, восприятие, которое определяется якобы присущим каждому народу подсознательным принципом психологического отбора. Самобытность этих народов видят в их отсталости, которой и противопоставляют современную западную культуру, передовую технику.

Развивая релятивистский принцип, выдвинутый еще Р. Бенедикт, этнофрейдисты пытаются доказать, что одни народы в силу своей структуры личности имманентно неспособны к овладению передовой техникой, другие, напротив, способны. Приводимые в качестве иллюстраций примеры не только тенденциозны, но и не соответствуют исторической действительности. Чего стоит, например, в свете современного промышленного развития Китая утверждение, что китайцы в отличие от японцев не способны к использованию сложной техники или что бенгальцы в страхе бегут даже от автомобиля, тогда как эскимосы прекрасно овладевают техникой³⁰. Спрашивается, для чего приводятся эти примеры, эти антиисторические сопоставления народов, развивающихся в различных культурно-исторических условиях? Только для того, чтобы оклеветать народы бывших колоний и полуколоний, обосновать необходимость «помощи» им извне, со стороны империалистов. Весь ход исторического развития Китая, Индии и других стран Востока, ставших на путь независимого развития, разоблачает лживость подобного рода утверждений американских психорасистов.

²⁸ R. Piddington, *An Introduction to Social Anthropology*, London, 1957, т. 2, стр. 601.

²⁹ Критику их теорий см. в кн.: К. Н. Брутенц, *Против идеологии современного колониализма*, М., 1961.

³⁰ W. La Barre, *A pattern of Modern Man*, «Mental Hygiene», 1949, № 33, стр. 215. См. также: I. Honigmann, *Culture and personality*, стр. 60.

* * *

В годы второй мировой войны этнофрейдисты США занялись активным изучением «национальных характеров» современных народов. В посвященных этому вопросу работах они пытаются доказать, что между первобытным обществом и современным капиталистическим нет качественной разницы, а лишь количественная. Поэтому, изучая народы передовых стран, этнофрейдисты пользуются теми же приемами и методами, что и при изучении племен и народов с первобытно-общинным укладом. Они «привыкли рассматривать современный индустриальный Запад как одно из племен», пишет А. Фаллерс³¹. Такой подход к изучению современности связан с отрицанием прогресса и признанием лишь кумулятивных изменений.

Социальные отношения людей этнофрейдисты трактуют как отношения между отдельными личностями, или «межперсональные», в основе которых лежат якобы принципы враждебности и пола³². Эти психологические «бирюльки» позволяют исследователям «культуры и личности» легко обходить вопрос о специфике классовых обществ, о классовой принадлежности, производительной деятельности и производственных отношениях изучаемых ими людей.

Исследования национальных характеров современных народов проводились по заказу военного ведомства США, в учреждениях которого в годы войны работали и этнофрейдисты. Один из них, Дж. Хонигман рассказывает, что ученые призваны были совершенствовать психологическое оружие американской военной машины³³. «Исследования культуры и личности,— пишет он,—имели важное значение в развитии этой машины... Мы имеем в виду развитие новой военной техники, техники психологической войны (sykewar)»³⁴.

Другой ученый, которого цитирует Хонигман, цинично заявляет: «Эмоции других народов становятся оружием в руках психолога-солдата». Откровенничая, этот же «ученый» объясняет, что «психологическая война помогает политическим лидерам камуфлировать реальность и увертываться от ответственности»³⁵.

К. Клюкхон описывает такой, характерный своей реакционностью, пример «военного служения» этнографов, знатоков «модального характера» японцев. После победы над Японией в 1945 г. в официальных кругах США многие высказывались против поддержки японского императора, видя в нем опору фашистского государства. Этнографы же выступили в защиту императора, якобы против «культурного империализма», «стремящегося к замене японских институтов американскими». Свое мнение они обосновывали тем, что император — это «сердцевина японской эмоциональной системы и нападки на императора усилят сопротивление врага»³⁶.

Имеются «военные заслуги» и у М. Мид. Во время второй мировой войны она предпринимала попытки помочь американским солдатам, находящимся в Англии, понять особенности английского типа личности.

Разработка психорасистских концепций в этнографии была непосредственно связана с участием этнографов в империалистической политике североамериканского монополистического капитала, особенно в

³¹ См. рецензию А. Фаллерса на кн. Parsons Talcott, «Structure and process in Modern Society», Glencoe, 1960, в «American Anthropologist», т. 63, № 3, 1961, стр. 588.

³² J. Honigmann, Culture and personality, стр. 17.

³³ Сам он в годы войны работал в бомбардировочном авиаотряде, изучая «межперсональные отношения» между солдатами и офицерами.

³⁴ J. Honigmann, Culture and personality, стр. 73—74.

³⁵ S. Renzo, Psychological warfare. Intelligence and insight, «Psychiatry», 13, 1950; J. Honigmann, Culture and personality, стр. 74.

³⁶ C. Kluckhohn, Mirror for man, New York, 1949, стр. 174—175. См.: J. Honigmann, Culture and personality, стр. 74.

первые послевоенные годы. На ньюйоркском съезде этнографов М. Мид откровенно заявила, что ее исследования национальных характеров связаны с военными нуждами США³⁷. В 1961 г. она сообщает, что возглавляемый ею Институт современных культур при Колумбийском университете финансируется военным ведомством США. Целью «исследований», ведущихся в этом Институте, является определение характера взаимоотношений («сотруднических или антагонистических») между национальными группировками³⁸.

Дж. Горер и М. Мид занимались также «исследованием» национального характера русских. Причем англичанин Горер «изучает» русский национальный характер в США (!). Там, в Институте современных культур под руководством М. Мид выписываются «психологические портреты» русских, а также других народов, представляющих интерес для американских империалистов. Решающее влияние на формирование русского характера оказывает, по мнению Горера, Мид и их коллег, якобы практикующееся у русских тугое пеленание детей³⁹. Правда, эти авторы допускают, что в советское время пеленать детей стали слабее и на более короткий срок, поэтому-де характер советских людей несколько отличается от дореволюционного. «Концепция» Горера совершенно абсурдна. Так, он утверждает, что ограниченность движений свивальниками вытесняет присущий ребенку инстинктивный импульс к разрушению; не найдя себе естественного выхода, этот импульс якобы позже проявляется в устном творчестве народа, а именно в фантастических сценах кусания и раздирания предметов зубами, которые будто бы являются частым сюжетом русского фольклора. Этот импульс «находит себе выход» и в «сильных чувствах», в качестве примера которых Горер приводит пьяные оргии русского купечества. Русским, по его мнению, присуще состояние угнетенности, являющееся следствием якобы характерного для них сознания вины за все грехи человечества. Практика пеленания, по Гореру, содействует также развитию в русских «естественной» потребности подчиняться авторитетам. В то же время отсутствие эмоциональной близости между родителями и ребенком (ибо русские родители якобы не особенно радуются детям) воспитывает сознание недостижимости авторитетов, а нерегулярное и частое кормление — оптимизм, отсутствие чувства долга, организованности и порядка⁴⁰. Поднятые из забвения отрицательные стороны быта отсталой крестьянской России, русского купечества в сознательно искаженном виде выдаются в трудах этих «ученых» за сегодняшний день жизни нашего народа. Делаются попытки подкрепить это материалами Союзфото, сопровождая их заведомо тенденциозными подписями. Что это, как не расистская клевета, а не целенаправленная подтасовка исторических явлений, призванная исказить, очернить советскую действительность? Этой же цели подчинены «исследования» «специалистов» по истории и деятельности КПСС, ВЛКСМ, пионерской организации, имеющих в возглавляемой М. Мид группе «русских исследований». М. Мид при-

³⁷ «An appraisal of Anthropology today», Chicago, 1953, стр. 136. См. об этом в ст. Ю. Аверкиевой «Материалы Ньюйоркского съезда этнографов», «Сов. этнография», 1955, № 4, стр. 150—151.

³⁸ M. Mead, The Institute for Intercultural Studies and Japanese Studies, «American Anthropologist», т. 63, № 1, 1961, стр. 136.

³⁹ В связи с этим выходят в свет работы под такими, например, названиями, как «Спеленутая душа великоросса» («New Leader», январь 1951 г.) или «Психиатрическое объяснение истории России» («American Slavic and East European Review», т. IX, № 3, 1949).

⁴⁰ На основании подобного рода постулатов пишутся, издаются и переиздаются такие «исследования», как статьи: G. Gorer, Some aspects of the psychology of the people of Great Russia, «American Slavic and East European Review», VIII, № 3, 1949; G. Gorer and J. Rickman, The people of Great Russia, London, 1949, New York, 1951; M. Mead, Soviet attitudes toward authority, New York, 1951; е е же, What makes Soviet Character, «Natural History», LX № 7, и др.

знает, что стремится найти противоречия в советской действительности, «которые могли бы быть источником... слабости в настоящем и возмущений или изменений в будущем»⁴¹.

Клеветнические измышления Мид и Горера, воспроизводимые в работах Бенедикт, Хонигмана и др., положены в основу многих книжонок, вкривь и вкось трактующих «русский национальный характер»⁴². Содержание их показывает, что основной «импульс», который руководит всеми этими «учеными», — ненависть к советской стране, ненависть к коммунизму. Эти «ученые» делают и практические выводы из подобного рода работ. Оказывается, как пишет, например, Хонигман, «Исследование русского модального характера показывает, какие трудности должны преодолеть американцы, чтобы искусно поддерживать свои связи с этой нацией»⁴³. Комментарии, как говорится, излишни.

* * *

Тот же «сосочно-пеленочный комплекс» положен в основу некоторых выводов этнофрейдистов относительно классовых различий в психике индивидов. Различные «опыты детства» у различных классов создают различные типы личности. Например, в США, как отмечает Хонигман, нет единого типа личности, личность варьирует вместе с классом, к которому она принадлежит. Хонигман различает в США три класса: низший, средний и высший. Этнофрейдисты сознательно фальсифицируют социальную жизнь США, пытаясь затушевать ее классовую сущность. Как известно, в США (как и в любой развитой капиталистической стране) два, класса — буржуазия и пролетариат. Начавшийся с развитием частной собственности и разделением труда процесс формирования двух типов личности — эксплуататора и эксплуатируемого — при капитализме достигает завершения в максимальной классовой поляризации личностей — буржуазной и пролетарской. Буржуазную личность характеризуют такие черты, как индивидуализм, ограниченность кругом личных, корыстных интересов и побуждений, крайний отрыв своих личных интересов от интересов общества (о чем свидетельствует, например, позиция монополистов США в вопросе о разоружении) и т. д. Этнофрейдисты же изображают американских монополистов единственно полноценными людьми, пекущимися о благе общества. Привитое им якобы еще «опытами детства» стремление к успеху объявляется причиной быстрых «социальных изменений» в США и т. д.

Жизнь на каждом шагу опровергает подобные «научные выводы» этнофрейдистов. Низменные, антиобщественные черты буржуазной личности проявляются, например, в истерии в отношении бомбоубежищ, поднятой в США: капиталист готовится убивать любого, кто попытается укрыться в его бомбоубежище.

На противоположном полюсе развивается личность пролетарская, которая в условиях классовой борьбы приобретает такие черты, как пролетарский коллективизм, товарищеская солидарность, взаимопомощь, интернационализм, ненависть к строю эксплуатации и унижения трудящихся. Эти качества ярко проявляются сейчас в классовых боях пролетариата в странах капитала.

Личность в социалистическом обществе развивается «на основе единства, сочетания личных и общественных интересов... Сближение личности и общества есть новая закономерность отношения этих двух сторон, присущих социализму»⁴⁴. Эта закономерность четко выражена в

⁴¹ M. Mead, Soviet attitudes toward authority..., стр. 2.

⁴² См., например: R. A. Bauer, Nine Soviet portraits, New York, 1955; T. Fitzsimmons, P. Malov, P. Fiske and others, USSR, its people, its society, its culture, New Haven, 1960.

⁴³ J. Honigmann, Culture and personality, стр. 74.

⁴⁴ В. П. Тугаринов, О ценности жизни и культуры, Л., 1960, стр. 44.

новой программе КПСС, где буржуазной морали, основным закон которой гласит «человек человеку волк», противопоставлена мораль коммунистическая: «человек человеку — друг, товарищ и брат». Эти слова о гуманизме грядущего общества, основы которого закладываются в классовой борьбе пролетариата, нашли глубокий отзвук в умах трудящегося человечества. Поэтому-то реакционные ученые типа Мид, Бенедикт, Хонигмана и др. пытаются всячески опорочить, унижить «типичную» личность трудящегося человека, биологизировать его, приписать ему пороки буржуазной морали (агрессивность, аморальность и т. д.)⁴⁵.

Сближение интересов личности и общества при социализме этнофрейдисты пытаются изобразить как процесс поглощения личности обществом. Повторяя лживые утверждения буржуазной пропаганды о «глубоком уважении» к личности, к ее индивидуальности в так называемом «свободном западном обществе», Мид и иже с нею повторяют злостную клевету, взятую из того же источника, о подавлении личности в СССР.

* * *

При помощи поистине универсального «сосочно-пеленочного комплекса» гитлеризм, эта наиболее реакционная идеология буржуазии, трактуется как выражение немецких «национальных свойств», как органически присущее психике «типичного» немца явление. Некий Д. Левин пишет, например, что якобы характерная для немцев форма семейного воспитания (строгость отца и сдержанность матери) определяет предрасположенность немцев в нацизму. Те, кто в отличие «от типичных немцев избежали условий строгой семейной структуры» и не были воспитаны «строгими отцами и замкнутыми матерями», оказались антинацистами⁴⁶. Интересно, какими же «опытами детства» неофрейдисты оправдывают фашизм во Франции и джон-берчистов в США?

В послевоенный период этнопсихологи практически участвуют в пропаганде «американского образа жизни». Так, Хонигман был послан в Пакистан со специальной миссией изучить «эффективность пропаганды американских идей с помощью информационного характера кинофильмов». Целью последних, как сообщает он, является «ознакомление зарубежного неграмотного зрителя с жизнью нашей (США. — Ю. А.) страны, с более эффективными способами медицинской профилактики, с передовыми методами ведения сельского хозяйства и с угрозой внешней политики Советской России»⁴⁷. Как видим из этого откровенного признания, пропаганда «американских идей» неразрывно связывается с политикой антикоммунизма.

На поверхность общественной жизни США этнофрейдизм выбросила в 1940-е годы националистическая волна, вызванная колониалистскими устремлениями американского империализма. Господствующее положение этнопсихологического направления в те годы объяснялось тем, что американским шовинизмом были охвачены значительные слои населения США, в частности интеллигенция. Именно в этот период откровенно высказывались претензии реакционных этнографов США на руководящую роль в мировой этнографии. Однако всемирно-исторические события послевоенного периода, рост антиимпериалистических сил, успехи мировой системы социализма, углубление кризиса капитализма и превраще-

⁴⁵ Этнофрейдисты статически устанавливают, например, что нерегулярное кормление грудью у «низших», т. е. малообеспеченных членов американского общества, якобы вырабатывает у них импульс к требованию пищи (demand feeding pattern; J. Honigmann, Culture and personality, стр. 316); под этим подразумевается, по-видимому, борьба трудящихся за повышение своего жизненного уровня, которую, объясняют, таким образом, не социальными, а психо-биологическими причинами.

⁴⁶ D. Levy. Anti-Nazis; criteria of differentiation, «Psychiatry», 1948, № 11, см. J. Honigmann, Culture and personality, стр. 19.

⁴⁷ J. Honigmann, Culture and personality, стр. 19.

ние США в оплот мировой реакции вызывают революционный переворот в сознании огромных масс человечества, что не могло не сказаться на состоянии умов американской интеллигенции и, следовательно, на взглядах американских этнографов. Если в 1940-е годы с открытой и последовательной критикой этнопсихологов США выступали главным образом советские этнографы⁴⁸ и отдельные ученые США⁴⁹, то начиная с 1950-х годов критические выступления становятся все более частыми как в Америке⁵⁰, так и в других странах капиталистического мира.

Из выступлений на ньюйоркском съезде этнографов Европы, США, стран Азии можно заключить, что началось отрезвление американских ученых от угара психорасистской клеветы этнофрейдистов, определился отход большинства из них от этого направления. После съезда критические выступления в адрес этнопсихологии стали частым сюжетом на страницах ведущего этнографического журнала США «American Anthropologist», а также в специальных и общих работах по этнографии.

В 1955—1956 гг. с резкой критикой этого направления выступили виднейшие этнографы страны А. Кребер, Р. Лоуи, Дж. Стюард, Дж. П. Мердок и др. Характерно, что Лоуи подкрепил свое отрицательное отношение к этнопсихологии ссылкой на Маркса и Энгельса; он заявил, что уже со времени критики Марксом и Энгельсом философских взглядов Л. Фейербаха стало «кристально ясно», что психика индивида определяется средой, а не наоборот⁵¹. Кребер же назвал период господства этнопсихологического направления в американской этнографии «периодом охоты за ведьмами»⁵². Критический анализ концепции сторонников школы «культуры и личности» содержится в статьях, опубликованных в 1960 г. в сборнике в честь Л. Уайта⁵³.

Развернутую критику этого направления в этнографии дает английский ученый Г. Пиддингтон в упоминавшемся уже двухтомном руководстве по этнографии. В 1959 г. на страницах «American Anthropologist» канадским ученым Ф. Воге был дан анализ современных течений в буржуазной этнографии, в котором этнопсихологам уделено значительное место. Ф. Воге подчеркивает идейное родство этнофрейдистов и представителей функциональной школы⁵⁴. Примечателен и тот факт, что с критикой этнофрейдизма выступили также психологи, отрицательно оценившие «слишком большой энтузиазм антропологов в применении различного рода тестов и психоаналитических понятий»⁵⁵.

Критика «исследований культуры и личности» стала настолько зна-

⁴⁸ Реакционная сущность этого направления вскрывалась в нашей печати в ряде статей: см. статьи С. П. Толстова, И. И. Потехина и Н. А. Бутинова в сборнике «Англо-американская этнография на службе империализма», Ю. П. Аверкиевой в журн. «Сов. этнография», 1947, № 1. См. также критику этого направления в работах: L. Lutyński, *Ewolucjonizm w etnologii anglosaskiej a etnografia radziecka*, Lodz, 1956; I. Sellnow, *Grundprinzipien einer Periodisierung der Urgeschichte*, Berlin, 1961, стр. 84—86.

⁴⁹ См. указ. выше работы L. White и B. Meggers.

⁵⁰ См., например, статьи: A. R. Lindesmith and A. L. Strauss, *Critique of culture-personality writings*, «American Sociological Review», 1950, № 15, стр. 587—600; K. Little, *Methodology on the study of adult personality and «National characters»*, «American Anthropologist», т. 52, № 2, 1950, стр. 279—282; O. Klineberg, *Tensions affecting International understanding*, «Social Science Research Council», Bulletin № 62, 1950.

⁵¹ R. Lowie, *Reminiscences of anthropological currents in America half century ago*, «American Anthropologist», т. 58, № 6, стр. 1010.

⁵² A. Kroeber, *The place of F. Boas in Anthropology*, «American Anthropologist», т. 58, № 1, 1956, стр. 155.

⁵³ G. Dole and R. Canreiro (eds), «Essays in the Science of Culture; In honor of L. White», New York, 1960.

⁵⁴ F. Voget, *Man and culture: an essay in changing anthropological interpretations*, «American Anthropologist», т. 62, № 6, 1960.

⁵⁵ Рецензия M. H. Segall на книгу психолога L. W. Dobb «Becoming more civilized» «American Anthropologist», т. 63, № 3, 1961, стр. 656.

чительной⁵⁶, что в 1954 г. Дж. Хонигману пришлось ее отметить (правда, советские работы он не упоминает).

В 1959 г. он вынужден уже защищаться, пытаясь доказать ошибочность утверждения о том, что «область исследований культуры и личности», по крайней мере в Америке, умерла и в 1950-х годах потеряла свою популярность⁵⁷. Он пытается заверить своих коллег, этнографов США, в том, что этнофрейдисты, пользуясь психологическими понятиями, не оставляли этнографического подхода, что они якобы изучают реакции и инстинкты, поведение индивида в их связи с социальной средой. Однако, несмотря на критику психорасизма, его идеи продолжают развиваться в работах М. Мид, И. Халлоуэлла, А. Уоллеса, Д. Хонигмана, Е. Фридл, В. Барнова, С. Паркера и др. Их изыскания и выводы смыкаются с концепциями видных американских социологов и историков Ф. Нортропа, Г. Кона, Р. Эмерсона, К. Дейча, Г. Моргантау и других, призванных теоретически обосновать вечность устоев капиталистического общества, оклеветать народы, борющиеся за свою независимость, оклеветать социализм. Они вносят свой «вклад» в антикоммунизм, являющийся сейчас главным идейным оружием империализма. Некоторые из них (М. Оплер) переходят в прямое наступление, обвиняя своих критиков в марксизме, что в современной обстановке в США аналогично, как известно, обвинению в антиамериканской деятельности. М. Оплер призывает ученых-маккартистов и их покровителей накинуть пока не поздно узду на все более или менее прогрессивное в этнографии США⁵⁸. Несмотря на все потуги повернуть колесо истории вспять, ясно, что этнофрейдизм в современной американской этнографии — в основном уже пройденный этап. Советские ученые, а также прогрессивные ученые всех стран мира считают этнофрейдизм чуждым, наносным явлением в науке и в своих работах вскрывают его реакционную сущность.

SUMMARY

Freudism has of late become especially popular in the reactionary sociology of the USA as an instrument in the struggle against Marxism.

The penetration of Freudism into USA bourgeois ethnology began in the 1920's, with the appearance of works by E. Sapir, R. Benedict, M. Mead and their disciples. The fact that several psychiatrists (A. Kardiner, C. Horney, J. Roheim and others) took up ethnology, in no small way contributed to the formation of ethno-Freudism. By 1940 the ethno-Freudian school of culture and personality studies took shape in USA ethnology. This research is centred around the problem of the formation of the personality and its interrelation with society, which is considered on the basis of Freudian «applied psychoanalysis». The behaviour of entire peoples and social classes, and their political and economic interests are considered in these studies in the light of the psychology of the personality and explained by certain psycho-biological properties, allegedly immutable and inherent in man's nature.

The relativist psycho-racist conceptions elaborated by the neo-Freudians are used to justify neo-colonialism, to justify the existence of capitalism. It is significant that these studies are financed by the organs of USA imperialist policy and widely used by bourgeois propaganda. Ethno-Freudism, however, is not the predominant trend in present-day American ethnology. The reactionary, unscientific essence of this trend is disclosed by honest-minded scholars in the United States, who believe it to be an alien phenomenon in science. Their criticism is of major importance for the progressive development of social science.

⁵⁶ Это отмечает, например, С. Дюнн, критикующий психологические интерпретации русского характера одной из публикаций 1960 г. (см. «American Anthropologist», т. 63, № 4, 1961, стр. 860).

⁵⁷ J. Honigmann, Psycho-cultural studies, в сб. «Biennial review of anthropology», New York, 1959.

⁵⁸ M. Opler, Cultural evolution, Southern Athapaskans, and chronology in theory, «Southwestern Journal of Anthropology», т. 17, № 1, 1961.